

НАШИ РЕЦЕНЗИИ

Ю.Н. Смирнов*

ОРЕНБУРГСКИЙ КРАЙ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКОВ И САМАРСКОЕ ЗАВОЛЖЬЕ КАК ЕГО СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ В НОВЫХ ТРУДАХ И ПУБЛИКАЦИЯХ ИСТОРИКОВ ЮЖНОГО УРАЛА:

Солонченко Е.А. «Таможенная политика на юго-востоке России и ее реализация в Оренбургском крае»; Кузнецов В.А. «Иррегулярные войска Оренбургского края»; Васильев И.М. «Денежные повинности башкир и мишарей во второй половине XVIII века»; Гвоздикова И.М. «Гражданское управление в Оренбургской губернии в первой половине XIX в. (1801-1855 гг.)» и «Отчет Оренбургского военного губернатора В.А. Перовского по управлению краем (1833-1842)»; Александер Дж.Т. «Емельян Пугачев и крестьянское восстание на окраине России в 1773-1775 гг.»; Паскаль П. «Пугачевский бунт».



История Самарского Поволжья и регионов Южного Урала связаны настолько неразрывно, насколько это только возможно между соседями. Особенно это справедливо для 1730-х-1840-х гг. Руководство Оренбургской экспедиции (комиссии), начатой в мае 1734 г., на первых порах разместилось в Уфе, а в сентябре 1736 г. перебралось в Самару. Человеческому дитя для появления на свет надо девять месяцев, рождение города, бывает, занимает на порядок больше времени. Девять лет два старинных города помогали рождению нового, пока Оренбург окончательно не был основан на своем месте в апреле 1743 г., чтобы уже в 1744 г. стать центром новой огромной губернии, куда вошли и Уфа, и Башкирия, и Самарское Заволжье. Только сама Самара оказалась за границей этой губернии, но совсем вплотную к ней.

В 1780-1781 гг. были прочерчены новые административные границы, но и тогда значительная часть Заволжья осталась в губернии, которая время от времени меняла свою столицу, называясь то Уфимской, то Оренбургской. 1 января 1851 г. Самара сама приобрела губернский статус, из семи уездов новой губернии три были переданы из Оренбургской, которая в свою очередь была в 1865 г. поделена на две, Оренбургскую и Уфимскую.

* © Смирнов Ю.Н. – доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета Самарского государственного университета, 2011

Границы между областями, краями и республиками Поволжья и Южного Урала продолжали меняться в XX веке. Тогда же произошел быстрый рост некогда небольшого уездного Челябинска, который в эпоху индустриализации встал в ряд крупнейших городов и региональных центров России.

Самара, Уфа, Оренбург, Челябинск обладают ныне мощной инфраструктурой образовательных и научных центров. Ведется исследовательская работа и преподавание в высшей школе по разным областям знания, в том числе по истории, включая ее локальное преломление. Зная все административные перипетии прошлого, можно представить, насколько непросто писать в этих четырех городах свою региональную историю, чтобы уложиться в обоснованные и сопоставимые на протяжении веков рубежи.

В этой ситуации при выборе границ и названий своего региона в XVIII – XIX вв. многие исследователи и из Челябинска, и из Уфы, и из Оренбурга считают сферой своих интересов весь, как они его называют, «Оренбургский край». Его берут в границах Оренбургской (Уфимской) губернии то 1744, то 1781, то 1851 гг., прибавляя к нему при желании значительные территории Северного Казахстана, Зауралья, Поволжья, имея на то основания в переменах административных и государственных границ. Не вмешиваясь в споры коллег-соседей, как определять и называть свой регион, кому в первую очередь об «Оренбургском крае (губернии)» писать, самарским историкам стоит в любом случае внимательно присматриваться к тому, что публикуется в городах-столицах южноуральских субъектов Российской Федерации по их истории. Во-первых, не должно забывать про немалую самарскую долю в «оренбургском» историческом наследстве. Во-вторых, надо ожидать, что в трудах об Оренбургской губернии до 1851 г. может оказаться что-то важное, полезное, интересное для истории территорий, сейчас пребывающих в составе Самарской области.

Конечно же, профессиональным историкам интересно все, что выходит в вузовских и научных центрах к востоку от Самары. Однако страницы из общей «региональной» или «локальной» истории кажутся интересными вдвойне.

Современные специальные издания из других регионов не всегда доходят до самарских читателей и библиотек. Тем более считаем необходимым привлекать внимание к интересным книгам, вышедшим у соседей в последнее время, когда представляется такая возможность. Здесь представлены оригинальные монографии, одна из которых, подготовленная И.М. Гвоздиковой, фактически дополнена ею же отдельной документальной публикацией, а также русские издания книг известных французского и американского историка*.

* Солонченко Е.А. Таможенная политика на юго-востоке России и ее реализация в Оренбургском крае. - Оренбург: Издательство ОГПУ, 2007. – 312 с.; Кузнецов В.А. Иррегулярные войска Оренбургского края. - Самара-Челябинск: Челябинский ЦНТИ, 2008. – 478 с.; Васильев И.М. Денежные повинности башкир и мишарей во второй половине XVIII века. Уфа: ООО «Принт», 2008. – 288 с.; Гвоздикова И.М. Гражданское управление в Оренбургской губернии в первой половине XIX в. (1801-1855 гг.) - Уфа: Китап, 2010. – 384 с.;

Конечно, эти книги, не охватывают весь круг исследований, проведенных в последнее время историками Южного Урала. Однако все они посвящены темам интересным и недостаточно изученным и вместе рисуют достаточно разносторонний образ «Оренбургского края» в XVIII – первой половине XIX вв.: торговля и таможенное дело, гражданское и военное управление, положение различных категорий военно-служилого населения.

История торговли и ее различные аспекты на протяжении долгого времени в XX в. не являлись приоритетом для советской историографии по причинам политического и идеологического порядка. С начала 90-х гг. XX в. история торговых отношений почти в одночасье стала привлекать пристальное внимание ученых. Стремясь восполнить пробелы в этой области экономической истории, современные историки стали исследовать развитие торговых отношений, во-первых, на региональном уровне, а, во-вторых, начали глубоко изучать отдельные проблемы этих отношений. Появление монографического исследования Е.А. Солонченко о реализации таможенной политики России по Оренбургской линии с середины XVIII до последней трети XIX вв. стало оправданным и своевременным. Хотя история торгово-экономических связей России с другими странами всегда привлекала внимание историков, но по сравнению с западным (европейским) направлением юго-восточное (азиатское) направление изучалось менее активно.

Актуальность книге Е.А. Солонченко придает и то обстоятельство, что в современных условиях Оренбуржье, впрочем, как и Самарская область, снова стало пограничным регионом, где при создании эффективного механизма таможенного дела может быть учтен исторический опыт. Перерыв же в существовании здесь таможни был довольно значительным: с 1868 г., когда продвижение русских войск и имперских властей в Среднюю Азию логически привело к ликвидации Оренбургской таможенной линии, до распада СССР в 1991 г.

В основе исследования Е.А. Солонченко лежит богатый комплекс опубликованных и неопубликованных источников. Производит впечатление кропотливая работа, проведенная в фондах четырех центральных (РГАДА, ГАРФ, РГВИА в Москве и РГИА в Санкт-Петербурге) и двух местных архивов (Оренбургской и Челябинской областей).

Е.А. Солонченко выделила проблему эволюции таможенной политики в отдельную главу. Здесь доказывается тезис о тесной связи этой политики с общим государственным курсом, в том числе с геополитической стратегией. Во второй и третьей главах исследуются структура таможенных служб Оренбургского края и их место в системе аппарата государственного управления. Автор подробно рассматривает функции таможенных органов в изученный период, их деятельность в Оренбургском крае по сбору пошлин

Гвоздикова И.М. Отчет Оренбургского военного губернатора В.А. Перовского по управлению краем (1833-1842). Документальная публикация. - Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2010. – 124 с.; Александер Дж. Т. Емельян Пугачев и крестьянское восстание на окраине России в 1773-1775 гг. / авторизованный пер с англ., вступ. ст. и прим. И.В. Кучумова. – Уфа, 2011. – 164 с.; Паскаль П. Пугачевский бунт/ авторизованный пер с фр. Л.Ф. Сахибгареевой, науч. ред., коммент. и вступ. ст. И.В. Кучумова. – Уфа, 2010. – 184 с.

и борьбе с контрабандой. Сделана удачная попытка реконструировать социокультурный облик таможенных чиновников. За рецензируемую монографию Е.А. Солонченко было присвоено звание Лауреата премии Правительства Оренбургской области в сфере науки и техники за 2007 г.

Не вызывает сомнений актуальность и ценность книги В.А. Кузнецова. Истории иррегулярных войск Оренбургского края, тем более написанной на столь большом фактическом материале до сих пор не было, подходы к ней, которые предпринимались раньше, представляли собой исследования отдельных войск и групп военно-служилого населения. В этой же книге в комплексе рассмотрены вопросы происхождения и эволюции всех иррегулярных войск края: Уральского и Оренбургского казачьих войск, Закамской ландмилиции, Ставропольского калмыцкого и Башкиро-Мещерякского войска, Тептярских полков. В совокупности они представлены в виде целостной военной системы, созданной для обороны государственных рубежей, защиты осваиваемых территорий и продвижения российского влияния на юг и восток. Проведен сравнительный анализ развития организационной структуры этих воинских формирований и порядок несения ими службы на военно-пограничной линии в различные эпохи отечественной истории: в абсолютистской монархии XVIII века, в дореформенной России первой половины XIX века, а также в период второй половины XIX – начала XX столетий, который выпадает из хронологии нашего обзора.

В.А. Кузнецов внимательно изучил региональную специфику военного дела на юго-востоке Европейской России, в частности особенности пограничной службы здесь по сравнению с тенденциями, типичными для других российских рубежей. Большое внимание было уделено показу участия иррегулярных войск наряду с полками регулярной армии в различных военных конфликтах: Отечественной войне 1812 года, заграничных походах, среднеазиатских экспедициях, других вооруженных столкновениях, а также в восстании 1773-1775 гг.

Как и другие авторы, В.А. Кузнецов также использовал широкий круг опубликованных источников и ввел в научный оборот многие новые ранее неизвестные документы из различных архивов, в том числе двух центральных (РГАДА, РГВИА) и пяти региональных: Оренбурга, Уфы, Челябинска, Самары, Ульяновска. Ряд документов воспроизведен полностью или частично в 25 приложениях к основному тексту книги, которые придают дополнительную ценность монографии своими статистическими и справочными данными. Однако даже без них большая по объему книга настолько насыщена фактическим материалом, что дает возможность найти в ней необходимые сведения для исследователей, занимающихся самыми разными проблемами истории и на протяжении значительного периода времени.

Так, из всех рецензируемых здесь изданий работа В.А. Кузнецова наиболее интересна для знатоков и любителей собственно самарского краеведения. Из восемнадцати достаточно самостоятельных разделов этой книги, которые посвящены отдельным сюжетам прошлого иррегулярных войск, практически полностью или в значительной мере относятся к истории Самарской бывшей губернии и современной области следующие шесть: «Создание Оренбургского казачьего войска», «Оренбургские казаки на защите пограничной линии», «Новая закамская линия и образование ланд-

милиции», «Служба ландмилицких полков на пограничной линии», «Образование войска крещеных калмыков и их участие в охране военно-пограничной линии», «Участие ставропольских калмыков в военных кампаниях». Есть «самарские» эпизоды и сведения также в остальных разделах. Это первое комплексное исследование регулярных войск Заволжья и Южного Урала не случайно вышло в свет под грифом Самарского научного центра РАН. В.А. Кузнецову удалось написать оригинальную научную работу с интересными обобщениями и оценками, основанными на собственном видении проблемы.

Впрочем, история отдельных групп военно-служилого населения, несмотря на давнюю традицию изучения, тоже далеко себя не исчерпала. Тому свидетельством книга И.М. Васильева о повинностях башкир и мишарей, содержание которой поясняет обстоятельный подзаголовок «Денежные налоги и поборы среди других государственных и мирских повинностей. Формы государственной эксплуатации и общинные механизмы перераспределения доходов». Во введении к книге автор скромно указывает, что им рассмотрен «один из сравнительно узких вопросов истории Башкирии XVIII в.» Однако это далеко не так. Переход к денежным налогам, пусть еще далеко не последовательный, запустил, судя по наблюдениям автора, весьма действенные механизмы модернизации, казалось бы, очень устойчивых к переменам традиционных обществ земледельческо-скотоводческого, скотоводческого полукочевого и даже кочевого типов.

Денежные повинности изучены И.М. Васильевым в тесной связи с основной сословной обязанностью башкир и мишарей – военной и пограничной службой. Собранные им материалы дополняют сведения и об этой стороне истории народов Поволжья и Приуралья. Тем не менее, основное внимание автора направлено на выяснение того, как служилые люди из этих народов, не став собственно податным населением, приняли на себя заметную финансовую ношу, связанную, прежде всего, с обеспечением выполнения именно военной обязанности. Повышение расходов башкирского населения было вызвано также дополнительными акциями имперских властей, в частности штрафами за участие в восстании 1773-1775 гг., которые официально именовались провиантскими и лошадиными, но, как показал автор, фактически взимались преимущественно в денежной форме.

Надо отдать автору должное за то, что он не связал причины усиления бремени башкирско-мещеряжских повинностей исключительно с действиями и интересами Российского государства. Скрупулезно и методично он собирал и анализировал довольно противоречивую информацию жалоб, проверок, судебных дел. Это позволило установить факт наличия в денежных поборах значительной коррупционной составляющей, которая шла не только чиновникам, но и башкирским старшинам и сотникам.

В случае с книгой И.М. Васильева, как и во всех рассматриваемых в рецензии, следует отметить хорошую источниковую базу исследования и весьма профессиональный ее анализ. При этом были использованы документы не только русские, но и тюркоязычные на арабской графике. Значительная часть использованных материалов – это дела из столичных архивов (РГАДА, РГВИА), государственных архивов Оренбургской области и Республики Башкортостан, а также научного архива Уфимского научного

центра РАН. 32 документа опубликованы в самой книге и сопровождаются обстоятельными комментариями.

Традиции южноуральских коллег сопровождать свои монографии документальными публикациями следует И.М. Гвоздикова. В самой ее книге об управлении Оренбургской губернией есть приложения в виде сводных таблиц, фотокопий и перепечаток отдельных документов. Кроме того, в один год со своей монографией она опубликовала отдельным изданием отчет генерал-адъютанта В.А. Перовского по управлению Оренбургским краем с 1833 по 1842 гг. Отчет сопровождается, выполняя роль комментария и приложения к нему, два очерка, написанные самой И.М. Гвоздиковой: «Итоги служебной деятельности оренбургского военного губернатора В.А. Перовского» и «Летние резиденции В.А. Перовского в Башкирии (по очеркам и воспоминаниям)».

Впрочем, от видного историка-архивиста, каковой является И.М. Гвоздикова, и следовало ожидать столь пристального внимания к источниковой базе своих исследований. Прежде всего, ее составили материалы государственных архивов Республики Башкортостан, Оренбургской области, научного архива Уфимского научного центра РАН, отделов рукописей и письменных источников Института русской литературы (Пушкинского дома), Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге, Государственного исторического музея в Москве.

Книги И.М. Гвоздиковой, в которых немало места отведено руководителям Оренбургской губернии, а с 1851 г. – Оренбургского и Самарского генерал-губернаторства, подоспели как нельзя кстати к 160-летию юбилею Самарской губернии. Их содержание стало еще одним напоминанием самарским любителям старины о несерьезности и несостоятельности версии, продвигаемой Г.В. Алексушиным в публикациях, в телепередачах и в Интернете, о ведущей роли В.А. Перовского, якобы, занимавшего с 1832 по 1857 гг. пост «Оренбургского и Самарского генерал-губернатора», в деле создания Самарской губернии (См.: Алексушин Г.В. Самарские губернаторы. Самара, 1996. С. 33, 35, 44).

На самом же деле такой должности до весны 1851 г., как явствует из работы И.М. Гвоздиковой, не существовало. Во время обсуждения и решения вопроса о создании Самарской губернии в Оренбурге был военный губернатор, в должности которого в 1842-1851 гг. служил В.А. Обручев, и гражданский губернатор, которым в 1846-1851 гг. являлся Н.В. Балакшин. В.А. Перовский был отставлен от должности оренбургского военного губернатора (не генерал-губернатора!) еще в 1842 г. Оренбургской губернией он после этого не управлял, а испросил и получил должность генерал-губернатора лишь после отставки В.А. Обручева в марте 1851 г., когда решение о новой Самарской губернии было уже не только принято, но и успешно реализовано. Соответственно, участники банкета по случаю открытия новой губернии 1 января 1851 г. после первого тоста за здоровье государя-императора никак не могли поднять второй за здоровье «Оренбургского и Самарского генерал-губернатора В.А. Перовского», что живописует Г.В. Алексушин (См.: Алексушин Г.В. Самарские губернаторы. Самара, 1996. С. 43) и

о чем вопреки его домыслам молчат, разумеется, реальные участники тех событий.

Если вернуться к основному содержанию книг И.М. Гвоздиковой, то перед нами цельный и местами детальный очерк организации управления большой по площади и сложной по составу губернии с упором на гражданскую часть этого управления. Значительное место при этом занимает исследование того, как проходила сенаторская ревизия Оренбургской губернии в 1842-1843 гг. и какие последствия она имела. И.М. Гвоздикова, в частности, согласна с нашими выводами, что по результатам этой ревизии был поставлен в плоскость реального решения вопрос об исключении из состава Оренбургской губернии западных заволжских уездов и передачи их в будущую Самарскую губернию.

Что же касается публикации отчета о деятельности В.А. Перовского за 1833-1842 гг., то это настоящий подарок всем ученым, занимающимся историей Юго-востока России, особенно молодым. На собственном опыте знаем, что любое сколько-нибудь серьезное исследование по истории данного региона в дореформенную эпоху начиналось с переписывания слово в слово (жалко было что-либо пропустить) лаконичных, но очень информативных строк этого подлинного шедевра административно-политической мысли российской «просвещенной бюрократии» дореформенной эпохи.

Публикацию отчета В.А. Перовского можно поставить по важности наряду с переизданиями классических трудов П.И. Рычкова «Истории Оренбургской» и «Топографии Оренбургской губернии», предпринятыми в Уфе в 1999-2001 гг., основную работу по подготовке которых, выполнил И.В. Кучумов. Эту публикаторскую деятельность он продолжил изданием книг иностранных ученых, в том числе выступив в качестве научного редактора и комментатора двух книг о пугачевском восстании Дж. Александера и П. Паскаля, а в первой из них и в качестве переводчика.

Остановимся на исследовании американского историка. Оно и сейчас выглядит актуально для историографии этого события отечественной истории, хотя было выполнено почти сорок лет назад. Особенно современно звучат методологические подходы, предложенные автором. Наряду с широким использованием социологических подходов, мы, прежде всего, выделили бы встраивание восстания 1773-1775 гг. в контекст модернизационных теорий исторического развития России, которые получают все большее признание и распространение среди отечественных ученых.

Работа свидетеля революции 1917 года, бывшего коммуниста, а позже ревностного католика П. Паскаля новизной методологических подходов не отличается, хотя написана почти одновременно с книгой Дж. Александера. Сказалась полувековая разница в возрасте авторов. Однако оригинален субъективный взгляд французского слависта, восходящий не только к исторической, но и к литературной традиции, отличающийся поиском психологических корней поведения участников событий.

Не можем не ответить на замечание, адресованное нам во вступительной статье к книге Дж. Александера. Согласимся с И.В. Кучумовым, что в статье «Современные подходы к истории восстания 1773-1775 гг.» отсутству-

ет разбор западной литературы по данному вопросу, но в ней эта задача и не ставилась. Тот же, кто возьмется за выполнение такой работы, будет благодарен, как и мы, уфимскому историку за его публикаторскую деятельность, в частности за усилия по расширению историографической базы будущих исследований истории пугачевского движения. Надеемся, что новые труды на эту тему не заставят себя ждать, а сожаления И.В. Кучумова о спаде интереса к ней уйдут в прошлое.

С фактографической точки зрения в рассматриваемых книгах специалисты вряд ли найдут новые сведения и источники о восстании 1773-1775 гг., архивный материал в них не использован. Гораздо интереснее интерпретации.

Конечно, лишь немногие согласятся с тем, как Дж. Александер ставит Пугачевщину в один ряд с революциями конца XVIII в. в Северной Америке и Франции, хотя к аргументам автора все равно стоит прислушаться, даже если их не принимать. Кстати, «несостоявшейся революцией» называет ее и П. Паскаль. Однако, несомненно, заслуживает признания призыв обоих авторов к отходу от однозначной оценки восстания 1773-1775 гг. как «Крестьянской войны», которая сужает реальную общественную и политическую сложность этого, как пишет американский историк, «массового социального движения».

Рассматриваемые книги дают дополнительные историографические и теоретические аргументы тем, кто делает обоснованные попытки осмыслить происходившие в 1773-1775 гг. события как гражданскую войну, борьбу за власть, за переустройство государства и общества. Само по себе поражение восстания Е.И. Пугачева не является доказательством утопичности стремлений и чаяний его участников, как победа большевистской революции в 1917 г. не стала подтверждением правильности стоявшей за ней идеологии.

В связи с этим выразим некоторое несогласие с переводом названия книги Дж. Александера «Emperor of Cossaks Pugachev and the Frontier Jacquerie of 1773-1775» в публикации. Конечно, «фронтирная Жакерия» понятна далеко не каждому русскому читателю и требует смысловой интерпретации, оставляя возможность разных вариантов. Выбранный переводчиком оборот «крестьянское восстание на окраине России» оказался не самым удачным, будучи слишком близок традиционному в советской науке определению «Крестьянская война», от которого и авторы книг, и их публикатор отказываются. Этот оборот не совсем увязан и с оригинальным началом заголовка, где упоминается «Император казаков Пугачев», который в переводе стал просто «Емельяном Пугачевым».

Впрочем, нет нужды останавливаться на отдельных недочетах рецензируемых работ и изданий, так как они незначительны и непринципиальны. Нас радует научная активность ученых из городов Южного Урала. Надеемся, что их новые труды и публикации по региональной истории XVIII – первой половины XIX веков будут с интересами восприняты коллегами-историками в Самарской области, по всей России и за ее рубежами.